

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЗНАК РАЙЦЕНТРА

К сорокалетию выхода первого номера «Ковдорчанина» («Знамени пятилетки»)

Радостные хлопоты

В середине шестидесятых, после обретения Ковдором статуса города, появились один за другим все признаки самостоятельной административной единицы. Для оформления разного рода документов, начиная с прописки и пенсии и заканчивая медицинским обслуживанием, жителям не нужно было ездить с пересадкой по ж/д в Апатиты. В апреле 1975-го мы с женой получили свидетельство о браке в кабинете ... секретаря горисполкома. По субботам секретарь перекидывал через плечо красную ленту, надевал доброжелательную улыбку и радовался появлению новых советских семей.

Чем дальше, тем больше администрации и прочий партхозактив городских предприятий не устраивало положение «пригородной зоны г. Апатиты». В двух горнообогатительных комбинатах росло количество рабочих и управленцев, увеличивались коллективы поликлиники и больницы, полнилась армия учителей и воспитателей детских садов.

Директоров и начальников поменьше, в компании с парторганами и профорганами, по пять-шесть раз в год дёргали на совещания в Кировский горком партии. Ради часа-двух бесполезного сидения в зале. Основное внимание горком уделял своему одноименному комбинату да Кольскому филиалу Академии наук. Ковдорчанам доставалось по остаточному признаку. Тем не менее, и ГОКи, и больницы, и другие учреждения обзавелись вездеходами-уазиками. Исключительно для регулярных поездок в Апатиты.

Инициатива с мест продолбила, в конце концов, ассигнования на обустройство Ковдорского района – самого молодого на карте области. Сначала, разумеется, состоялась первая районная партийная конференция, на ней избрали членов пленума райкома. К удивлению, ковдорчан, в списке оказалось много незнакомых фамилий. Всё потому, что среди жителей города и окрестностей почти не нашлось желающих примерить на себя высокие партийные должности. Отказался баллотироваться в первые секретари начальник обогатительного комплекса Ковдорского ГОКа А.П. Сидоренков. Его примеру последовали другие инженеры КГОКа. Захотели сменить профессию лишь сотрудники «Ковдорслюды» да леспромхоза. Но им предложили второстепенные должности, в лучшем случае зав. отделами.

Новообразованный райком первым делом обеспокоился созданием своего печатного органа, то есть районной газеты. Директор КГОКа А. И. Сухачев пошёл навстречу, предоставил редакции помещение переехавшего в новостройку детского сада. Он же пожертвовал промышленным зданием на отшибе – для типографии. Сказались происки районной санэпидстанции. Её специалисты подсчитали, что выбросы двух строкоотливных машин (линотипов), использующих смесь свинца и олова, могут попортить качество воздуха. В городе, который еженедельно сотрясался от массовых взрывов на открытых карьерах. Чёрные грибы-облака заслоняли солнце.

Полоса неприятностей

Где-то с 79-го года навалилась на меня полоса неприятностей, связанная с грядущим появлением районной газеты. К тому времени тираж «Рудного Ковдора» перевалил за 6000 экз. по подписке – при численности сотрудников комбината вместе с ОРСом около 5 тыс. человек. Годовая подписка 1 рубль 02 копейки позволяла с лихвой окупать затраты комбината на печать своей газеты. Тут же нашлись экономисты, тыкнувшие меня носом в зарплату – мою и сотрудников, в командировки в Кандалакшскую типографию. Пришлось этим деятелям напомнить, что расходы на содержание профсоюзного комитета вдвое-вчетверо превышают траты на газету. Профбосс не унимался. Замолчал только после того, как я предложил ему поменяться денежным довольствием и прочими благами.

Все годы апатитский «Кировский рабочий» не находил в Ковдоре и Ёне больше трёхсот-четырёхсот подписчиков. А «Знамя пятилетки» сразу отхватило на сотню-другую больше. Идеологи райкома рассчитывали, что это только начало. Однако месяц шёл за месяцем, а желающих получать три раза в неделю информацию из официального органа района не прибавлялось. Ясно почему. Оставлял желать лучшего поспешный набор кадров для районки – на основании анкетных данных.

Заявки пришли из разных концов Союза. Почему-то больше всего из-за Уральского хребта. Принцип «с бору по сосенке» не предвещал быстрое становление коллектива. Опять же, редактор Татур (даром, что северянин, из Мончегорска, недавно закончивший привилегированные двухгодичные курсы в Ленинградской высшей партийной школе) ничего, кроме престижного диплома, за душой не имел. О чём красноречиво свидетельствовала его судьба после десятилетнего руководства ковдорской газетой. В районках родного Мончегорска и Колы не поднялся он выше зав. отделом. При всём голоде на кадры в перестроечный и постперестроечные периоды.

Зато все десять лет благами должности редактора Ковдорской районки парень пользовался на полную катушку. Ежегодной дотацией на оздоровление – само собой. К полуторному северному отпуску умудрялся добавлять ещё один, месячный. Курсы по усовершенствованию – организуемые по линии партии, профсоюзов и даже экологов – редактор не упускал возможности посетить лично. С сохранением зарплаты.

Редактору мало было своей фамилии в конце номера, она появлялась на страницах газет и в тексте заметок. Оказалась, например, в списке выдающихся учеников художественной школы – будущих гениев. Кажется, так и было напечатано. В ряду сыновей и дочерей видных работников райкома. Попытался тактично обратить внимание на сей факт заведующей отдела пропаганды. Дескать, при всём уважении к способностям номенклатурных отпрысков, можно было бы хотя бы часть фамилий упустить. Наткнулся на неподдельное удивление:

– А если они и вправду талантливы?

После того случая перестал пытаться наладить отношения с райкомовским начальством. А они продолжали приставать. На свой манер. Третий секретарь райкома по кличке (ещё комсомольской) «Моль» попросил набросать ему пару десятков названий будущей районной газеты, чтобы на бюро было из чего выбрать. Отнёс ему громадный список, на всю страницу в два ряда. Начал, естественно, с «Ковдорчанина». На мой взгляд, слово «Ковдорец», образованное по типу «Оленегорец», неблагозвучно в произношении. В конце списка привёл железобетонные названия. В том числе и «Знамя пятилетки». Дабы было, что вычёркивать. Но именно оно привлекло внимание членов бюро.

Коммутатор-аккумулятор

Под временное пристанище райкома директор ГОКа отдал вполне приличное здание учебного комбината. Туда-то, в обставленный по последней моде кабинет, пригласил меня для беседы упомянутый деятель по кличке «Моль». Официальный стол с телефоном и с креслами для посетителей – с одной стороны кабинета, у окна. А в глубине – круглый чёрный столик для душевных бесед под кофеёк.

До сих пор то собеседование перед глазами. Как упрюсь лбом в очередную пакость, так визит тот оживает. И сразу легчает. Сравниваю и понимаю: бывало и похуже, побеспросветнее. Час или полтора заглавный районный идеолог рука об руку с редактором районки обрабатывали меня. На любой мой аргумент – десять сдачи, со скрытой угрозой в качестве начинки. Пытался объяснить, что с трудом сколотил коллектив многотиражки, в большинстве – вырастил из рабкоров. Что не все сотрудники и претенденты успели закончить хотя бы пединститут, что не имею морального права бросить их на полдороге... А самое главное, не могу быть заместителем редактора районки, поскольку должность через чёрточку пишется вместе со словами «зав. партотделом». А я недостаточно подкован. Вот и на госэкзамене получил «двойку» по истории партии, пришлось осенью пересдавать.

(В скобах добавлю. В подтексте возражений оставил причины, из-за которых вынужден был уехать из Киева. Где достаточно наработался «за себя и за того парня», поставленного мной руководить. И вообще, что это за обязанность такая – вечно исполнять чьи-то обязанности? Ты копайся и копайся в корешках, а вершки достаются номенклатурному лицу. Да и не в должности

зама загвоздка. К редактору «Кандалакшского коммуниста», Ефиму Федотовичу Разину, пошёл бы хоть литсотрудником. Под началом человека таких высоких профессиональных и моральных качеств – работа в радость!).

Раздосадованный встречей, выходя из райкома, ляпнул секретарю парторганизации Ковдорской геологоразведочной партии каламбур из давней книги «Физики продолжают шутить»:

– «Коммутатор-аккумулятор». – То есть, «кому Татур, а кому лятор». Шутка пошла гулять по городу.

С первого номера страницы «Знамя пятилетки» запестрели псевдонимами – *Кольский, Карельский, Зауральский*... Тексты, за исключением зав. отделом промышленности, приехавшим из-под Тулы (фамилия подзабылась, а под рукой нет подшивки), один другого стандартнее. И скучнее. Ну как было удержаться! Запустил псевдоним и в «Рудном Ковдоре». Тоже с географическим уклоном: *А. Я. Ковдорский*, затем *Я. Ковдорский*. Наконец, простенько и со вкусом – *Яков Дорский*.

Кольские-Зауральские пытались отыгаться на владении исконной лексикой. БелАЗы, например, обзывали грузовозами. В борьбе со всенародным злом постоянно опирались на народную мудрость. Я уже работал в Умбе, когда Ковдорская районка прославилась на всю область заголовком статьи: «Где пьют, там и горюшко...». Всё бы ничего, да зав. орг. отделом райкома работал – один из немногих приличных сотрудников в этом коллективе – товарищ по фамилии Горюшко...

После каждого укола многотиражки в адрес районки, моему непосредственному начальнику, секретарю парткома КГОКа Никитину, доставалось от идеологов райкома. Горняк от Бога, многолетний начальник рудника «Железный», в ответ просил разъяснить суть претензии. Молча кивал головой и спокойно отвечал: «А я так не думаю...».

Легко и приятно работать, когда за спиной такие тылы.

«Моль» и не думал успокаиваться. Банным листом пристал к уполномоченному сотруднику КГБ в районе майору Галкину: нельзя ли в моей биографии что-то такое отыскать? Майор (точно знаю, хотя и из вторых уст) попросил не забирать дорогое время у занятого человека. Проще говоря, послал «Моль» куда подальше. А начальник райотдела милиции взял под козырёк. Спустил указание участковому.

То-то смотрю, к моей жене зачастили соседки. Как появлюсь на кухне – умолкают, закрою дверь – опять шум и гам. Участковый воспринял указание согласно своему разумению. Обошёл лестничную клетку выше и ниже этажами. С вопросами: валяюсь ли я пьяным у дверей? Не слышно ли скандалов? Не бью ли жену?

Хватало и мелких пакостей, портящих жизнь. Годами книжный магазин в Ковдоре считался интеллигентным клубом по интересам. В нём работали замечательные люди, начиная с директора магазина Березиной. У прилавков магазина всегда встречал знакомых. Люди приходили, если не купить, то хотя бы подышать свежей типографской краской. В очередях за подписными изданиями вообще близко сходились и дружили семьями.

Но руководитель общества книголюбов стал номенклатурой райкома. Мне так и не достался трёхтомник О' Генри – одного из классиков юмористической литературы. А первый однотомный «Энциклопедический словарь» удалось купить только в Кандалакше. Ковдорские райкомовцы вычеркнули меня из списков покупателей.

Роман в телеграммах

Стал подумывать об отъезде из Ковдора. Опять же, по требованию Татура в районной типографии линоtypes оснастили лишь так называемым «латинским шрифтом». Поначалу даже без шестипунктовой нонпарели. Плюс разнокалиберный набор для заголовков. При шестиколонной вёрстке (она позволяла разнообразить макеты полос) в строку «латинского шрифта» влезало от силы 21–22 знака, а ужимистый «рубленный» вмещал 26–28 знаков – почти на четверть больше текста. Для Татура, может быть и спасение, а мы в «Рудном» привыкли потчевать читателя полной ложкой.

Короче, в июле 1982-го, на радостях от расставания, я пожал при всех «Молю» руку. Не где-нибудь, а на сцене. Он мне вручил благодарственную грамоту райкома – «За успешную и плодотворную работу в многотиражке».

Но, родной Киев опять повернулся ко мне спиной. Работа нашлась в издательстве «Наукова думка», скучная и неинтересная. Общественные нагрузки – тоже не мёд. Не «Окна сатиры», как в юности, а проверка уплаты членских взносов в коллективе республиканского музея Ленина...

Вокруг – в сравнении с Кольским полуостровом – рай земной. Днепр, пляжи золотого песка. Квартира просторная, четырёхкомнатная. Отец обзванивал друзей и сообщал радостную новость: впервые за 71 год жизни помылся в собственной ванне.

Терпел-терпел и написал письмо директору ГОКа А. И. Сухачеву. Так мол и так, если примите обратно в «Рудный Ковдор», так я с удовольствием.

Телеграмма за подписью директора ГОКа обрадовала. *Меня пригласили на работу, с предоставлением квартиры в новом доме. Такая-то улица, такой-то дом.* Слава Богу! Полутораговой эксперимент закончился. Впереди – Север, снова задышу полной грудью.

Рассчитался, упаковал вещи, жду разрешения милиции на въезд в погранзону. Вновь телеграмма, из Ковдора. Обухом по голове: *«Ковдорский райком партии не рекомендует вам выезжать по вызову Ковдорского ГОКа».*

Позвонил, поплакался в жилетку ребятам из «Полярной правды». Они пообщались с заведующим сектором печати обкома партии К. В. Полтевым. Дня через три перезвонили. Спросили: не соглашусь ли я возглавить на юге Кольского полуострова газету «Терский коммунист»? Сижу, считаю. Газета маленькая, шесть полос в неделю. Но районная, выше многотиражки рангом. Согласился. *И получил третью телеграмму – за подписью первого секретаря Терского райкома партии. С приглашением приехать на работу и с сообщением о предоставлении квартиры.*

Месяца через три после приезда в Умбу мне вернули «полярки». Знаю, во время и после войны орденосцам доплачивали за государственные награды. Отец получал. Практику эту тихо отменили при Хрущёве. Орденов у меня нет. А то, что зарплату сразу удвоили, вполне могу приравнять к высокой правительственной награде. Говоря честно, горжусь этим отличием.

Надо бы передать роман из трёх телеграмм внукам, да не смогу. Первые две телеграммы имеются, а третью – телеграмму Терского райкома партии – пришлось переслать в областное управление печати. Она послужила основанием для возвращения мне «полярок», 80 процентов оклада ежемесячно.

Возвращение с пересадкой

При первой же возможности нанёс визит в Ковдор, пообщался с другом юности В. Ф. Михайловым, директором типографии Герольдом Косициным, в прошлом одним из моих предшественников в кресле редактора «Рудного». Сейчас уже можно признаться: ходил по гостям с протянутой рукой. В Умбе единственное предприятие – леспромхоз. Разжиться электромоторами, проводами и прочими метизами просто негде. А я ведь заодно был и директором типографии. Поэтому к «запчастям» относился очень даже серьёзно.

Наезжали в Умбу и ковдорчане. Любители рыбного лова – за снастями. А Т. Н. Поганкина – за аметистами с мыса «Корабль». Ужас обуял эту любительницу камня при виде того, как поиздевались над месторождением бездумные взрыватели.

И я, и жена частенько звонили в Ковдор. Телефонистки Умбы и Ковдора перезнакомились друг с другом. Не раз и не два на том конце провода, дожидаясь соединения, приговаривали: «Верните нам нашего Махлина!». И этот, тоже нерукотворный, орден, с гордостью ношу. Есть у меня, правда, и медаль «Медаль ветерана труда», но с названными выше двумя наградами она не сравнится.

На дворе бушевала Перестройка. До сих пор пишу это слово с большой буквы, хотя всё меньше и меньше положительных черт вижу в том времени. Они имелись. Например, назначенцы, съехавшиеся в ковдорский райком со всей области, один за другим к тому времени сделали району ручкой. Кто продолжил восхождение вверх по карьерной лестнице, как бывший второй секретарь Комаров. Кого, как первого первого секретаря, смайнали вниз и он окопался в Мурманске, в «пентагоне» – в пятиэтажном здании, где располагались службы облисполкома.

Представители нового поколения ковдорских райкомовцев всё чаще заводили со мной разговор на тему, а не вернусь ли я в Ковдор? Хорошая мысль! Опять же кадр, заменивший в Умбе первого секретаря Терского райкома, обрадуется. Он искренне, на полном серьёзе, считал, что ведомая мной районная газета подрывает его авторитет.

Страна шла навстречу выборам в Верховный Совет СССР. Партийным функционерам предложили пройти в парламент страны сквозь горнило естественного отбора. К тому времени первым секретарём обкома партии стал горный инженер из Приамурья Балагуров. Пленум обкома согласился с высочайшей рекомендацией. Однако за считанные месяцы на новой должности пришелец не стал своим. Областной партхозактив к нему только приглядывался.

Горнило естественного отбора

Кандидату в депутаты полагались доверенные лица, призванные говорить о нём с положительной стороны. Плюс доверенный журналист, способный привлечь внимание читателей. Не знаю по каким причинам, но меня вызвали из Умбы в Мурманск. Предложили занять столь ответственный общественный пост при первом секретаре обкома. С сохранением заработной платы.

Согласился. Интересно всё-таки самому потрогать на зуб политику областного масштаба. Не скажу, помог ли я своему доверителю. А что навредил – точно. В Ковдоре при встрече с народом на трибуну поднялся избиратель и заявил, что за десятки лет жизни и работы на Севере, он так и не дождался положенных льгот. Скоро на пенсию, а даже минимальную не получит.

По рядам пошли смешки, переходящие в откровенный смех. А я, хоть начисто лишён зрительной памяти на лица, припомнил: обиженный часто фигурировал в рубрике «Постояльцы вытрезвителя». Его всю дорогу увольняли за пьянку и злостные нарушения дисциплины, повлекшие за собой значительные материальные издержки.

В отчёте о встрече с избирателями отметил этот факт. И подложил свинью своему доверителю. Конкурент на депутатское место, профсоюзный деятель из Мончегорска Мисник (кличка «Мясник») уцепился за абзац из моего отчёта. С пеной у рта гвоздил первого секретаря обкома, игнорирующего простого рабочего человека. Демагогия сработала. Профбосс обошёл-таки на доли процента секретаря обкома. На избирательной волне перебрался в Москву. Больше на никелевый комбинат носа не показывал. Вещал на всю страну от имени и по поручению партии «Яблоко». Что скрывать, многим из нас в те годы казалось: устами команды Явлинского глаголет истина.

Весь штат обкома вместе с райкомовцами дружно работал в избирательную кампанию... против своего первого секретаря. Не понимая этого. Однородцы Мисника и кандидата от Апатитов Оболенского сколотили бригаду на манер артистической клаки и следовали за конкурентом в поездке по области. Засыпали каверзными вопросами. Горкомо-райкомовцы не снабжали своего кандидата никакой местной информацией. Видели свою задачу исключительно в представлении лучших номеров в гостиницах. С доверху набитыми холодильниками.

Досталось и мне от их забот. Спасибо, догадался прихватить с собой машинку. Так и сидел с нею на коленях. В моём номере, в гостинице Ковдорского СпецСМУ, оба стола были заняты телевизорами. На случай, если один выйдет из строя. Присесть с блокнотом и ручкой не имел никакой возможности. За неимением свободного места.

В перерывах между поездками работал в гостинице обкома. Утром и вечером меня посещал ответственный сотрудник отдела пропаганды. Просматривал тексты, что-то выписывал. К нему я и обратился с вопросом, а нельзя ли мне после выборов перебраться в Ковдор? Ничего он не ответил, но запомнил. Спустя неделю-другую мне позвонили. У аппарата – первый секретарь Ковдорского райкома Багринцев (его я знал по работе в ГОКе) и деятель из райисполкома Малайчук. С ним мы вообще были плотно знакомы с того времени, когда он, бывший пограничник, представлял Кировский горком в Ковдоре. Сообщают:

– Приезжай. Татур добровольно написал заявление об уходе. Возглавишь районную газету.

Смена караула

Пришлось работать с теми, кого Татур воспитал под себя. За исключением зава промышленного отдела, штаб редакции продолжал гнуть прежнюю суконную линию. И спиваться втихую.

Припомнилось, к «Рудному Ковдору» тоже поначалу прибило двух или трёх алкоголиков. Самые мои трудные годы работы. Месяцами приходилось планировать и готовить три-четыре номера газеты одновременно. Учитывать, держать в голове ситуации. Если запьёт один или оба

кадра, если кто из них придёт с похмелья и к вечеру очухается. Если появится с материалом в руках, или, наоборот не появится...

С тех пор запретил себе заниматься бесполезным занятием перевоспитания. В «Знамени пятилетки» быстро разобрался, «кто есть ху», образовал из тайных алкоголиков некоторую резервацию и никаких замечаний, кроме постоянных прочерков в графе сданных в номер строк, им не делал. Они, впрочем, и прежде не утруждали себя работой на газету. Числились незаменимыми благодаря другим качествам. Но когда раз за разом я лишил их премии из гонорарного фонда в размере оклада – стали жаловаться в райком. Но там уже почти полностью сменился караул, обиженных не поддержали.

Зато сотрудники «Рудного Ковдора», перешедшие в районку, меня понимали с полуслова. В первую очередь – Галина Афанасьевна Котельникова, профессиональная линотипистка, для которой другой должности, кроме машинистки, в многотиражке не нашлось. Районке по штату положен корректор. Здесь её чувство слова и общая грамотность пришлись очень кстати. Оживилась, сбросила с себя обвинение во второсортности Татьяна Сапронова. Ну а фотокор Наиля Ганиева вообще расцвела. Оказалось, и пишет неплохо. Освоила самостоятельно и эту журналистскую профессию.

Перестройка развязала не столько инициативу граждан, сколько языки болтунов. Сходу выяснивших, что узаконенная гласность есть отличный способ для сведения счётов. На волне демократических выборов директоров.

А. И. Сухачев отдал Ковдорскому ГОКу более тридцати лет жизни, возглавлял предприятие с самого пуска. Наверно и точно директор порой ошибался и настаивал на своих ошибках. Но добра коллективу и его отдельным членам принёс намного больше.

Перевыборы на полном скаку оставили человека без кабинета. Каждое утро с шести до половины девятого объезжал цеха комбината на машине, к девяти на оперативке сидел у телефона, был порой больше в курсе, чем начальники участков и служб. Из года в год минутой дорожил. И на тебе, никому не нужен. Место директора занял посланец «старшего брата» – Оленегорского ГОКа. Тоже горный инженер, но за плечами несколько лет работы в качестве секретаря парткома. То есть вешать лапшу на уши было для него раз плюнуть.

В чём-в чём, а в красивых обещаниях претендент на должность себе не отказывал. Но не предложил низложенному Сухачеву даже должности консультанта. Это я спросил: не собирается ли преемник воспользоваться богатым опытом прежнего директора?

Алексей Иванович позвонил в Умбу, предложил обсудить вместе с ним и его коллегами будущую книгу по истории Ковдора. Спустя год я уже работал напротив его жилища – редакция располагалась во дворе дома, где жил директор. Убедил всё-таки ветерана – а он всего на десять лет старше меня – самому засесть за воспоминания.

В «Знамени пятилетки» из номера в номер печатались мемуары Сухачева, легшие впоследствии в основу книги «30 лет в Ковдоре». Поддержал человека не только морально. Сухачев и прежде жил на одну зарплату. Она всегда была меньше заработков передовиков – машинистов буровых станков, экскаваторов и водителей БелАЗов. Машину, двадцать первую «Волгу», директор купил на денежный эквивалент Ленинской премии. Сей персональный транспорт и оставил в наследство сыну. Не позволил ни себе, ни членам своей семьи купить новенькое авто, к распределению которых имел на комбинате прямое отношение. А теперь, из-за галопирующей инфляции, пенсии не хватало. Маленький гонорар из районной газеты пришёлся очень даже кстати...

Подписчики, судя по отзывам, читали и перечитывали мемуары «папы» – подпольная кличка А.И. Сухачева. Вскоре со свежей партией воспоминаний подключился первостроитель Ковдора Косарчук. Времена вокруг стояли либеральные. Появилась официальная возможность в зимнее время выпускать не три, а четыре, а то и пять, номеров в неделю. С тем, чтобы в период летних отпусков не перекармливать поредевшие ряды читателей. К концу мая «Ковдорчанин» издал мини брошюрой расписание поездов и самолётов, отправляющиеся с полуострова на юг. Удалось собрать приличную сумму, она позволила дежурным по редакции во время моего отпуска съездить на экскурсию в Соловки. Насколько знаю, съездили все, даже те, кому новшества были поперёк горла.

Вскоре, выйдя на пенсию, я покинул кресло редактора районки ради должности собкора «Полярки» по югу области. Сбылась мечта идиота. Никаких обязанностей, кроме писания текстов, никаких подчинённых. Начальство за 300 км. За всю свою журналистскую жизнь так часто и с

удовольствием не писал. Публикации за эти полтора года, надеюсь, стали документами эпохи Периода полураспада, обрушившегося на страну на рубеже девяностых XX века.

Реформу в редакции районки всё же провёл. Взял в штат, сначала собкором, по Ёне, потом зав. отделом – Николай Князева. Уроженца этих мест, водителя и поэта. Его сборник в начале восьмидесятых издало областное Мурманское книжное издательство. Давно убедился, что человеку, чувствующему слово кончиками пальцев, не трудно пересесть на прозу. Парень пошёл в гору, рос от материала к материалу. Я верил – и убедил предрайисполкома, – что из Князева получится отличный редактор.

Недолго продержался он в кресле. Не разогнанный мной штаб редакции съел парня тотчас после моего вторичного и окончательного отъезда из Ковдора. Знаю, Николай прикипел к газете, несколько лет потом проработал в «Рудном Ковдоре», пока многотиражка окончательно не стала в тягость новым хозяевам ГОКа. Кстати, к моим реформам относится и теперешнее название газеты – «Ковдорчанин», окончательно вытеснившее из употребления неудобоваримое слово – «ковдорец».

Районка до сих пор жива. Остальных отличий, даже тех, которые полагались не райцентру, а просто городу, Ковдор лишился. Остаётся держаться за районку, как за последнюю соломинку...

Яков МАХЛИН.

*Житомирская область,
Хутор Высокий Камень,
январь, 2021 г.*

12 июля
1990 года,
четверг
№ 83 (1487)

Газета издается
с 1 января 1981 года

Цена 3 коп.

ЗНАМЯ
ПЯТИДЕТКИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОРГАН КОВДОРСКОГО
РАЙКОМА КПСС
И РАЙОННОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ.
Мурманская область

День за днем: факты, комментарии

Общественно-политическая газета Ковдорского района Мурманской области

КОВДОРЧАНИН

Среда,
6 августа
1997 года
№ 59 (2279)

Газета
издается
с 1.01.81 г.

Розничная цена —
800 рублей.

День за днем: новости, факты, комментарии